

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 29 | Пятница, 26 іюля (8 августа) 1902 г. | № 29

Въ Башкиріи передъ войной 1877—78 г.г.

Время было тревожное. Въ воздухѣ пахло порохомъ. Россія готовилась заступиться за угнетенныхъ братьевъ-славянъ.

Въ числѣ противниковъ войны находились, если не всѣ, то большинство магометанъ Россіи, особенно отдаленной и полудикой Башкиріи, гдѣ на свыше 3 милліонное населеніе туземцевъ приходилось только около 800 тыс. русскихъ обитателей.

Разбросанная въ глуши лѣсовъ и по склонамъ трудно проходимыхъ Уральскихъ горъ и ихъ отроговъ, въ губерніяхъ Пермской, Уфимской, частью Самарской и Оренбургской, страна эта чуть не съ первыхъ дней своего подчиненія (въ концѣ XVI столѣтія) Московскому государству, была постоянно ареной всякаго рода вспышекъ, волненій, посягательствъ на свободу, жизнь и чужое имущество, сильныхъ мятежей и „междоусобныхъ браней". Настроеніе это поддерживалось изстари, благодаря постояннымъ сношеніямъ магометанъ Россіи съ мусульманами Востока, и въ былые годы въ Башкиріи часто путешествовали разные проповѣдники, притекавшіе туда изъ Хивы, Бухары и Турціи и проповѣдывавшіе вражду къ Россіи.

Большею частью появлялись тамъ они во время какихъ-либо политическихъ событій, въ коихъ участвовала Россія, или въ годины бѣдствій туземцевъ другихъ магометанскихъ странъ; наѣзжали цѣлыми партіями и, разсыпавшись по дебрямъ лѣснымъ и ущельямъ горъ, своими навѣтами доводили темный и склонный на всякія волненія башкирскій народъ до того, что иногда на нѣсколько лѣтъ край охватывался мятежемъ. Незадолго передъ войной 1877—78 г.г. (какъ указываютъ необнародованные архивные документы) мусульмане Востока также не хотѣли оставить „безъ должнаго внушенія" магометанъ отдаленнаго сѣвера съ цѣлью произвести между ними переворотъ, „дабы такимъ образомъ затруднить дѣйствія русскаго правительства въ ожидаемой войнѣ съ Турціей и отвлечь часть военныхъ силъ для усмиренія предполагавшагося мятежа" *).

Первые трое турецкихъ эмиссаровъ были задержаны лѣтомъ 1876 г., въ Оренбургскомъ краѣ, потомъ нѣсколько человѣкъ ихъ поймалы среди киргизовъ Тургайской области и въ туркестанскомъ ген.-губернаторствѣ.

По распоряженію оренбургскаго ген.-губернатора были приняты мѣры „къ самому бдительному наблюденію за подобными выходцами".

Когда одного такого „выходца" въ турецкой одеждѣ, назвавшагося Мустафой-Али, задержали (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) въ дер. Ванышъ-Алпаутовой (Бирскаго уѣзда), то при немъ нашлось до 200 руб. денегъ, въ томъ числѣ 11 руб. продырявленными серебряными монетами (двугривенными, пятіалтынными, гривенниками), очевидно, снятыми туземными женщинами съ своихъ косъ и головныхъ уборовъ, много татарскихъ скатертей, салфетокъ и полотенцевъ.

Его подвергли допросу и затѣмъ отправили этапнымъ порядкомъ прямо въ Керчь-Еникале для водворенія въ Турцію.

Послѣ ареста Мустафы, видя, что за ними усиленно слѣдятъ, турецкіе эмиссары поспѣшили скрыться неиз-

Германскій императоръ Вильгельмъ II.
(Съ послѣдней фотографіи).

Къ пріѣзду въ Россію германскаго императора.

*) Нижеприводимыя свѣдѣнія основаны на данныхъ дѣла уфимскаго губернскаго архива за 1876—78 г.г., № 49/26, обязательно доставленныхъ намъ бывшимъ преподавателемъ уфимской мужской гимназіи, а нынѣ инспекторомъ народныхъ училищъ 1-го района Олонецкой губ. М. Н. Правдинымъ. Такъ какъ 12 апрѣля сего года минуло 25 лѣтъ со дня объявленія послѣдней турецкой войны, то считаемъ умѣстнымъ нынѣ обнародовать эти данныя на страницахъ столичной печати.

вѣстно куда. Но начатое ими дѣло не заглохло и дало еще большіе ростки. На смѣну имъ продолжали агитацію въ духѣ мусульманства мѣстные муллы и ахуны. Одинъ изъ послѣднихъ, расхаживая по торговымъ рядамъ на ярмаркѣ въ дер. Калмыковой (Бирскаго у.), открыто собиралъ деньги съ пріѣзжихъ татаръ и башкиръ, показывая имъ какую-то бумагу.

Носился слухъ, что у этого ахуна Мустафа оставилъ разные документы и вещи, въ числѣ которыхъ были завернутые, какъ святыни, въ полотно „обрывки зеленой матеріи отъ знамени Магомета", чтобы при случаѣ развернуть ихъ и провозгласить въ Башкиріи священную войну.

Документы и письма изъ Турціи имѣлись и у другихъ фанатиковъ-магометанъ. Въ началѣ декабря башкирецъ Кядыкаевъ, воспользовавшись отсутствіемъ волостного старшины и писаря, даже собралъ въ дер. Байгузиной (Бирскаго у.) сходъ и сталъ читать сельчанамъ воззваніе, присланное отъ турецкаго правительства. Такія же воззванія читались муллами въ школахъ, и мечетяхъ, и по другимъ деревнямъ; и многіе башкиры сочувственно отнеслись къ призыву на возстаніе противъ русскихъ, открыто похваляясь о томъ.

Татары и башкиры, въ обычное (мирное) время, довольно тихіе и смирные, теперь замѣтно измѣнились: сдѣлались смѣлѣе, заносчивѣе, и не только перестали сносить насмѣшки надъ собой, а тѣмъ болѣе обиды, но не рѣдко сами стали задирать русскихъ. Въ пылу гнѣва, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, они старались показать русскимъ свое превосходство и давали понять, что пришелъ ихъ конецъ.

Въ первыхъ числахъ декабря въ Нижне-Троицкомъ заводѣ (Белебеевскаго уѣзда) былъ, напр., такой случай.

На суконной фабрикѣ ночью заснулъ одинъ изъ работниковъ, татаринъ. Желая разбудить его, другой рабочій—русскій, намочилъ комъ шерсти и бросилъ въ него. Комъ попалъ въ лицо. Татаринъ разсердился, сталъ браниться; его поддержали товарищи-магометане, дѣло дошло чуть не до смертнаго побоища съ немногими русскими.

Инородцы были увѣрены „въ скоромъ возстановленіи казанскаго царства съ магометанскимъ начальствомъ". Тогда-де настанутъ новыя времена, новые порядки. „Татары будутъ господствующей, русскіе подчиненной націей". Такъ, будто бы, было написано въ книгахъ Магомета. „И когда придетъ турокъ, деньги станутъ дешевле".

Въ 1876 г. праздникъ Курбанъ-Байрамъ приходился 16 декабря. Къ этому времени магометане ждали пріѣзда въ Казань знатнаго турецкаго паши, и тогда-де начнется поголовное истребленіе русскихъ, при полномъ возмущеніи всѣхъ мусульманъ. Даже чуваши и черемиссы-язычники съ нетерпѣніемъ ждали этого дня. Естественно, что подобные слухи сильно тревожили заброшенныхъ въ Башкирію русскихъ крестьянъ. Особенно были напуганы перспективой возстанія жители села Кырпова (Бирскаго уѣзда). Они находились въ давнишней враждѣ съ башкирами сосѣдней дер. Байгузиной изъ-за земли. Послѣдніе отличались буйнымъ характеромъ и часто производили съ ними драки, а однажды, во время полевыхъ работъ, убили шестерыхъ кырповцевъ. Кто-то пустилъ молву, что байгузинцы намѣрены въ праздникъ Курбанъ-Байрамъ напасть на село. Крестьяне видѣли даже, какъ по ночамъ у нихъ собирались сходки и происходили совѣщанія... Говорили, будто подъ мечетью въ дер. Бураевой у нихъ и порохъ припасенъ. Русскіе такъ перепугались, что волостной старшина послалъ прошеніе губернатору, прося о присылкѣ къ нимъ воинской команды. Жители этого села и сосѣднихъ русскихъ деревень усилили караулы, стали прятать въ лѣсу свои пожитки и хлѣбъ; многіе поспѣшно уѣзжали изъ села. Какъ разъ въ это время проѣхалъ чрезъ Кырпово земскій почтарь и сообщилъ, будто въ Уфѣ получена телеграмма объ объявленіи войны съ Турціей. Народъ еще больше струсилъ. Даже священникъ повѣрилъ этой молвѣ и свезъ свое имущество въ церковь.

Наступило 17 декабря, начало татарскаго праздника. Сельскій староста и священникъ точно нарочно куда-то уѣхали въ этотъ день. Сельчане были въ нерѣшительности, что предпринять. Взболамутилось село.

Но прошелъ безъ всякихъ приключеній первый день праздника, протекли, какъ нельзя болѣе мирно, и остальные два дня...

Уфимское губернское начальство, къ сожалѣнію, не предприняло никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы успокоить крестьянъ и прекратить распространеніе „зловредныхъ" слуховъ. Встрепенулось оно только тогда, когда въ декабрѣ потекли рѣчи уже болѣе угрожающаго характера. Передавалось за достовѣрное, что во многихъ мѣстахъ инородцы готовятся къ возстанію; заготовляется, будто бы, оружіе, порохъ, льются пули, и всѣ эти запасы до поры до времени муллы хранятъ подъ мечетями. О приготовленіяхъ говорилось открыто. Одинъ башкирецъ, не стѣсняясь, сообщалъ крестьянамъ дер. Зайцевой (Бирск. у.), что у нихъ „слава Богу, есть большой запасъ ружей и пороху". „Пока солдаты придутъ на подмогу, мы скоро покончимъ съ русскими".

Еще страшнѣе шли извѣстія изъ Пермской губерніи. Тамъ циркулировали слухи, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ Осинскаго уѣзда, смежныхъ съ дер. Байгузиной (Бирск. у.), башкиры уже подняли возстаніе и тамъ даже ожидаютъ прибытія войскъ; на мечетяхъ, будто бы, снимаютъ съ минаретомъ полумѣсяцы, что, по разсказамъ магометанъ, служило условнымъ знакомъ объявленія священной войны, и что 25 декабря мятежники намѣрены сжечь г. Бирскъ.

Конечно, эти разглашенія удручающимъ образомъ дѣйствовали на русское населеніе края. Тревожное состояніе умовъ еще болѣе усилилось появленіемъ въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ корреспонденцій, въ которыхъ сообщались крайне неблагопріятныя свѣдѣнія о татарахъ Казанской, Вятской и Уфимской губерній. Разсказывалось, что среди мусульманъ проповѣдуется софтами „газаватъ", будто у многихъ именитыхъ казанскихъ татаръ найдены большія суммы, спеціально для этой цѣли назначенныя, и громадное количество оружія...

Цѣлыхъ два года, пока тянулась русско-турецкая война, край былъ въ самомъ напряженномъ состояніи. И власти, и русскіе обыватели трепетали за свою участь. Въ случаѣ неурядицы, защититься было нечѣмъ. Войска находились на театрѣ военныхъ дѣйствій. Народъ вздохнулъ свободно только тогда, когда произошло „замиреніе".

Позднѣе болѣе интеллигентные мусульмане говорили, что никакого возстанія въ сущности не могло быть, отчасти по неимѣнію средствъ для этого, но больше потому, что нигдѣ не живется магометанамъ такъ вольготно и хорошо, какъ въ Россіи.

Можетъ быть, все это такъ, но каково-то было слышать каждый день, что не сегодня, такъ завтра васъ перерѣжутъ, какъ барановъ.

Самара. **П. Юдинъ.**

На мартиникскомъ пепелищѣ.

(Разсказъ очевидца).

Американцы не умѣютъ дѣлать ничего въ маленькихъ размѣрахъ. Какъ только выяснилось положеніе несчастныхъ острововъ, благотворительность соорудила помощь и не постѣснялась въ средствахъ. Учебное судно „Dixie" отправилось къ Мартиникѣ, везя припасовъ и платья на сто слишкомъ тысячъ долларовъ (200,000 рублей). Американское правительство совершенно правильно посмотрѣло на мартиникскую катастрофу, какъ на событіе, поучительное для всего цивилизованнаго міра, и потому озаботилось объ изученіи ея въ географическомъ и геологическомъ отношеніяхъ. На „Dixie" въ числѣ другихъ пассажировъ находилось нѣсколько ученыхъ: проф. Руссель изъ Мичиганскаго университета, профессоръ Горей изъ Національнаго историческаго музея; послѣднему поручено было составить рельефную карту о. Мартиники: три извѣстныхъ путешественника Борхгревингъ, Гилль и Георгъ Кеннанъ, изслѣдователь Сибири, и др.

Мѣсяцъ серебрилъ волны океана, по которымъ скользила „Dixie". На темномъ сначала небѣ сіялъ Южный Крестъ. Но небо становилось все сѣрѣе, безцвѣтнѣе. Близился разсвѣтъ. Съ мачты раздался крикъ вахтеннаго: „Слѣва земля!" Но мы уже знали, что передъ нами злополучная Мартиника.

Желтымъ, потомъ краснымъ показался небесный покровъ, раскинувшійся надъ широкой горой, укутанной въ сѣрыя облака. Это Монтъ-Пелэ. Часъ спустя бросили якорь.

Десятки маленькихъ лодокъ устремились на встрѣчу „Dixie"; „вѣроятно, думалось намъ, это туземцы, умирающіе съ голода". Многіе поспѣшили въ каюту, чтобы взять изъ буфета яицъ, хлѣба. Но туземцы, въ свою очередь, тянулись къ намъ съ золотистыми ананасами и бананами, выкрикивая: „dix sous la douzaine!" (по пятаку дюжина).

Похожая на орѣховую скорлупу, ладья понесла меня къ городу, который полумѣсяцемъ раскинулся по берегу и казался очень миловиднымъ со своими бѣлыми домиками, красными домами и густой зеленью.

– Не ощущается ли въ городѣ голодъ? Оба черномазыхъ полуголыхъ гребца посмотрѣли на меня сначала, потомъ другъ на друга и прыснули, показавъ бѣлые, крупные зубы. Полагая, что они не поняли меня, я повторилъ вопросъ болѣе медленно и отчетливо. Туземцы разсмѣялись вслухъ: взбредетъ же на мысль дураку-пріѣзжему такой вздоръ!

Толпа нищихъ потянулась за нами къ площади Savane. Бѣлѣетъ тамъ прекрасный мраморъ Жозефины, красивѣйшей изъ королевъ. У подножія памятника растетъ густая зеленая трава... и топчутъ ее жирныя свиньи; клокчутъ куры. Все мирно, сытно... Невольно приходитъ въ голову, что міръ обманутъ репортерской уткой!

У низкаго каменнаго дома на полумачтѣ развѣвается трехцвѣтное знамя. Я вручаю офицеру въ бѣлой тропической формѣ свою карточку и прошу свиданія съ губернаторомъ. „Отчего?" „Зачѣмъ" цѣлый рядъ вопросовъ, доказывающихъ, что офицеръ очень любопытенъ. Но, наконецъ, я сижу передъ губернаторомъ. Высокаго роста, сѣдоватый, съ курчавыми волосами, свойственными чернокожей расѣ, онъ несомнѣнно интеллигентъ, по обращенію почти врожденный джентельменъ. На письменномъ столѣ блестящій цилиндръ, идеалъ каждаго негра. Повидимому, губернаторъ не охотно дѣлится свѣдѣніями объ истинномъ положеніи острова. Впрочемъ, онъ и самъ, кажется,

не совсѣмъ точно освѣдомленъ по этому предмету. Мэръ также не въ курсѣ дѣлъ; статистическихъ свѣдѣній о числѣ убитыхъ, раненыхъ и бѣжавшихъ нѣтъ. Очевидно, катастрофа повергла мѣстную администрацію въ состояніе отупѣнія. Въ Форъ-де-Франсѣ намъ удалось собственными силами установить кое-какія данныя; бѣглецовъ оказалось около 7,000, а не 50,000! Голода нигдѣ не было и признаковъ. На склонахъ горъ пасется до 10,000 тысячъ козъ: растительной пищи въ изобиліи; при такихъ условіяхъ жизнь пока обезпечена.

* * *

Темное облако надвинулось на полуденное солнце. Хлынулъ тропическій дождь въ небольшой ботъ, въ которомъ мы плыли къ мертвому городу. Мелькаютъ на берегу мѣстечки, у устьевъ блестящихъ рѣчекъ два-три желтыхъ каменныхъ домика, красная крыша церковная и десятокъ мазанокъ. Нагія, коричневыя дѣтишки играютъ въ водѣ; мужчины развѣшиваютъ сѣти; женщины возвращаются отъ источника. Въ церквахъ идетъ непрерывная служба. Бѣда научитъ и молиться.

Дальше Piton de Carbet. Тоже вулканъ, но дремлющій... быть можетъ, до поры, до времени. Съ сѣверо-запада донесся рѣзкій, чуждый намъ крикъ; три черномазыхъ лица вытянулись.

— Что это?

— Сигналъ, подданный молодыми людьми, что стоятъ на горѣ дозоромъ на случай новаго изверженія Монтъ-Пелэ.

Наконецъ, мы снова увидѣли широкоплечій вулканъ, скрывшійся было за предгорьемъ. Отъ южнаго угла Карбэ собственно и начинается опустошенная изверженіемъ область. Впереди курилась черная гора, и новый сигналъ указалъ намъ: „дальше нельзя!"

* * *

Еще ударъ веселъ, и мы обогнули мысъ! Какое зрѣлище: справа зелень смѣющагося рая, а слѣва горестная пустыня С.-Пьеръ! Сѣрый гробъ, въ которомъ схороненъ цѣлый городъ; даже нѣтъ въ немъ тѣней: испуганныя ужасами живой смерти: онѣ бѣжали... Отъ блестящихъ красокъ и чудной зелени, воспѣтой П. Лоти, не осталось и слѣда. Тутъ нѣтъ больше красокъ. Это ничто, одна смерть, полное небытіе всѣхъ вещей и существъ.

Мы всѣ молчали. Казалось, что слышны біенія сердца. Ледяной ужасъ охватилъ душу.

Вотъ развалины какого-то судна. Тутъ была набережная С.-Пьера. Всюду обломки и отвратительный трупный запахъ. Мы пристали въ l'Anse, южномъ предмѣстьѣ. Еще можно различить фундаменты элегантныхъ особняковъ. Средняя часть города „Monillape" лежитъ подъ пепломъ, а сѣверная потонула въ грязи.

Нога уходитъ въ мягкую массу и скоро утомляется. Грудь жаждетъ свѣжаго воздуха. Цвѣтныя лица нашихъ проводниковъ кажутся совершенно бѣлыми. Катится изъ-подъ ногъ камень; подъ нимъ перегорѣвшая рука человѣка.

С.-Пьеръ нѣкогда (хоть и недавно) подымался терассами отъ моря къ подножію Монтъ - Пелэ. Параллельно набережной „Place Bertin", украшенной пальмами и бѣлыми статуями, пролегала улица Bonillé, а дальше главная улица, носившая славное имя Виктора Гюго. Боковыя улицы узки, кривы и часто оканчивались тупиками.

Подъ пепломъ исчезли и террассы, и улицы; объ ихъ быломъ существованіи можно догадаться лишь по линіи фундаментовъ. Трупы остались неубранными. Съ 7 апрѣля никто не возвращался въ С.-Пьеръ. Вся обстановка говоритъ о томъ, въ какомъ паническомъ бѣгствѣ старались избѣгнуть смерти несчастные его обыватели. Но замѣчательныя картины: вотъ сапожная мастерская. Отъ сапожника и его снаряда ничего не осталось, кромѣ пепла; а рядомъ стоятъ нетронутые огнемъ сапоги. Вотъ въ пекарню укрылся какой-то несчастный: онъ успѣлъ залѣзть въ печь, но не могъ закрыть дверецъ, и сгорѣлъ; другой трупъ стоитъ на головѣ; уши, ротъ и глаза полны пепломъ. Тѣ, кого смерть застигла на улицѣ по большей части, лежатъ съ руками, прижатыми ко рту или носу. Видно, дыханія имъ не хватило, и они инстинктивно старались защититься отъ пламени и пепла.

Что за причина столькихъ смертей? Ядовитый ли газъ или воздухъ, насыщенный пепломъ? Или, быть можетъ, электрическія явленія? Все это выяснится со временемъ, но пока налицо лишь одно потрясающее зрѣлище. Самый красивый изъ красивыхъ антильскихъ городовъ обратился въ сплошную развалину и кладбище съ непогребенными трупами.

До изверженія можно было взойти на Пелэ: съ сѣвера (Lasse Pointe) съ запада (Le Prêcheur) и съ юго-востока (Morue Rouge). Фортъ-де-Франсъ лежитъ такъ далеко отъ этихъ трехъ пунктовъ, что намъ понадобилось совершить предварительный переходъ на низкорослыхъ, но крѣпкихъ лошадкахъ. Это была своеобразная поѣздка, то въ гору, то подъ гору, все время почти по хорошимъ дорогамъ среди непрерывной тропической чащи. Ошибочно было бы назвать лѣсомъ этотъ хаосъ деревьевъ, высокихъ и низкихъ, кривыхъ и прямыхъ, которыя борятся другъ съ другомъ изъ-за воздуха и солнечнаго свѣта. Гиганты выходятъ изъ этой борьбы побѣдителями, а слабыя валятся на земь гніютъ и обогащаютъ и такъ дѣвственную почву. По сторонамъ дороги не увидишь и свободнаго клочка отъ зелени земли. Даже тамъ, гдѣ налегъ пепелъ, изъ-подъ него пробиваются зеленые ростки; пройдетъ полгода или годъ, и мощное растительное царство заявитъ свои права на ту территорію, которую временно отняли у него люди, а людей вырвала смерть. Черезъ сто лѣтъ поиски археологовъ дадутъ очень не богатый результатъ.

Навстрѣчу намъ появился священникъ изъ Morue Rouge. Вотъ человѣкъ, передъ которымъ, поистинѣ, каждый долженъ снять шляпу. Онъ возвращается изъ города, жители котораго блѣднѣютъ при каждомъ облачкѣ, тамъ мэръ, судья и другіе чиновники возмущаются, что они еще не отозваны правительствомъ, car la vie humaine est sacrée, священникъ изъ Morue Rouge неоднократно подвергалъ себя опасности. Въ качествѣ пастыря онъ мужественно стоялъ на томъ посту, который покинули гражданскіе чиновники и, насколько могъ, охранялъ свою паству отъ грабежа, который подвергся островъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ очевидцевъ катастрофы и описываетъ ее такъ. Сначала надъ кратеромъ показалось огромное черное облако, и раздался шумъ, подобный грому, соединенному съ оглушительными свистомъ и пѣніемъ. Ни молніи, ни пламени, ни даже маленькаго огонька не было замѣтно, только одно мгновеніе облако продержалось на вершинѣ и потомъ со скоростью стрѣлы низверглось на городъ „словно отъ руки Всевышняго"... Только тогда раздались взрывы, показались надъ домами огненные столбы, и тучи золы, при громовыхъ раскатахъ, посыпались изъ кратера, словно изъ жерла орудія.

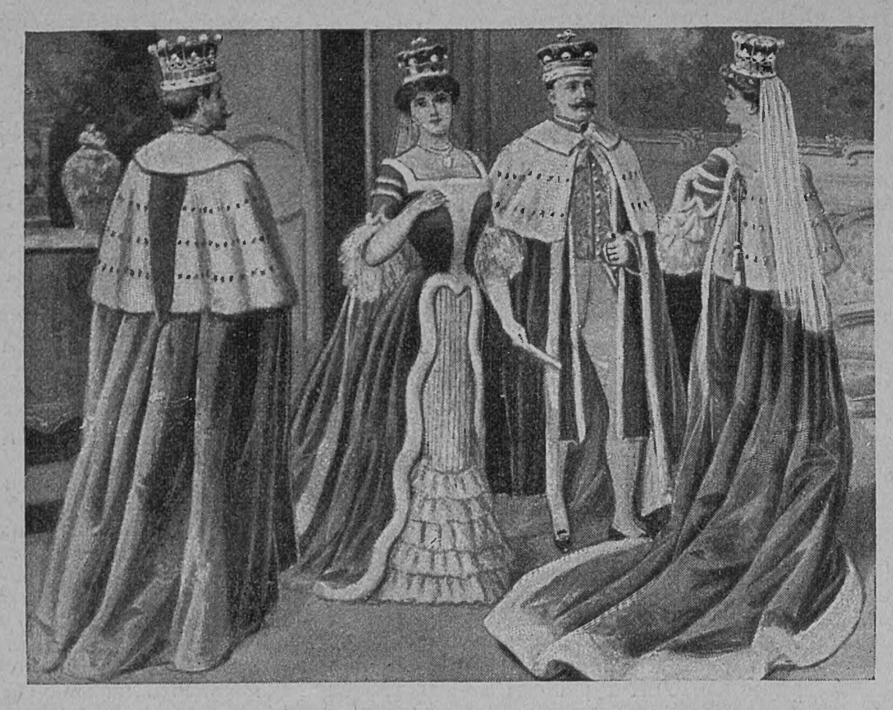
Вѣроятно, во время этой катастрофы свирѣпствовалъ ураганъ, разносившій грязь и золу,— вотъ почему на ландшафтѣ можно замѣтить спиральныя полосы той и другой, а между ними зеленые промежутки и даже неповрежденныя пашни.

Это черное облако, словно мощная рука Провидѣнія, не пощадила ни одного живого существа. Всѣ версіи о какомъ-то висѣльникѣ, который случайно спасся, являются плодомъ досужей фантазіи. Какъ большіе часы на улицѣ Виктора Гюго, такъ и всѣ сердца перестали бить въ одинъ моментъ; вотъ почему число раненыхъ сравнительно незначительно, ихъ перевезли, хотя и не слишкомъ поспѣшно, въ оба госпиталя Фортъ-де-Франса. Въ гражданской больницѣ 127 увѣчныхъ были предоставлены попеченію одного врача и шести сидѣлокъ. Врачъ откровенно признавался, что не хватаетъ денегъ и необходимыхъ матеріаловъ; очевидно притокъ пожертвованій былъ направленъ не туда, куда слѣдуетъ.

Въ одномъ помѣщеніи съ плохой вентиляціей было около 50 женщинъ. Тяжко раненые бились въ лихорадкѣ, и тутъ же играли ихъ дѣти, между тѣмъ, какъ единственная сидѣлка мѣняла повязки на обожженномъ лицѣ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которая жалобно кричала.

Нѣкоторые больные, предоставленные самимъ себѣ, выпрашивали у насъ фруктъ, но имъ почему-то въ нихъ отказывали, хотя фрукты, какъ сказано, стоятъ здѣсь гроши.

Въ военномъ лазаретѣ больныхъ было меньше, а помѣщеніе сравнительно лучше. Но и здѣсь служащіе испуганно кидались вонъ изъ палаты, какъ только надъ Пелэ показывалось легкое облачко. Вообще постороннему наблюдателю кажется нѣсколько смѣшнымъ то напряженное состояніе, въ которомъ находятся обыватели Фортъ-де-Франса, города преимущественно чиновничьяго. Можно подумать, что въ этомъ жаркомъ климатѣ притупилась ихъ энергія: вмѣсто того, чтобы поднять негровъ до своего уровня, они сами сравнялись съ цвѣтнымъ населеніемъ въ отношеніи неописуемой изнѣженности. Когда мы съ проф. Гиллемъ предприняли нашу двухдневную поѣздку къ сѣверной части Мартиники, на маленькомъ пароходѣ разверзлись небесныя хляби, и за мысомъ Мартиномъ волненіе было настолько сильно, что о высадкѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ прибой высоко вздымалъ волны надъ рифами. Мы двинулись дальше, выжидая хорошей погоды и сравнивая линію берега съ картой. Оказалось, что онъ нисколько не понизился вопреки распространеннымъ толкамъ; всѣ деревни, у которыхъ мы могли высадиться, были населены; въ другихъ мы замѣтили жителей, даже съ корабля. Нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ разрушенія, единственное топографическое измѣненіе заключается въ томъ, что потокъ пепла, заполнивъ старое русло, нѣсколько сѣвернѣе отъ Сенъ-Пьера, образовалъ цѣлое озеро золы въ нѣсколько сотенъ квадратныхъ метровъ. Размѣры той области, которая подверглась опустошенію, показались намъ меньше, нежели мы думали раньше. Она имѣетъ видъ усѣченнаго треугольника, котораго четыре линіи составляютъ кратеръ Монтъ - Пелэ, окрестности Карбэ, Morue Rouge и Le Prêcheur. Вся сила изверженія была въ юго-восточную сторону въ формѣ вѣера. Главная полоса этого вѣера пришлась на Сенъ-Пьеръ, а лѣвая на Карбэ, правая на Prêcheur. Такъ какъ было бы безумно высаживаться у Lasse Pointe, то мы направились къ третьему пункту, откуда прежде было возможно восхожденіе именно къ Morue Rouge. Деревня лежала передъ нами, еще окутанная дождевыми испареніями, которыя не позволяли разойтись и облакамъ, сосредоточившимся у кратера. По мѣрѣ того, какъ приближалась къ берегу наша лодка, мы все яснѣе могли различить фигуры людей, махавшихъ намъ платками и шляпами. Едва мы пристали, какъ уже среди насъ сидѣли 5 чернокожихъ мужчинъ и 2 женщины; они насъ увѣряли, что ихъ необходимо спасти отъ смерти, такъ какъ „la montagne" уже подкралась къ одному изъ домовъ. Одного туземца мы заставили служить намъ проводникомъ, а дру-

Къ коронаціи англійскаго короля. — Костюмы перовъ.

Кардиналъ
графъ Мечиславъ Ледоховскій.
† 9 (22) іюля.

гихъ отправили на пароходикъ, который доставилъ ихъ въ тотъ же день въ Фортъ-де-Франсъ.

Тонкій дождь волы ложился на платье и шляпы, когда мы подошли къ указанному намъ дому. Ручей, протекающій около него, сильно вздулся и несъ съ собой пепелъ и грязь; къ сѣверу десятокъ домовъ былъ разрушенъ, остальные не тро-

Соборъ Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ, гдѣ состоится коронація англійскаго короля.
Впереди коронаціонное кресло.

Къ коронаціи англійскаго короля, назначенной на 27 іюля (9 августа).

Кардиналъ Джероламо Готти,
преемникъ кардинала Ледоховскаго.

нуты, хоть и покрыты вершковымъ слоемъ золы. Скотъ, оставшійся безъ присмотра, уныло бродилъ между постройками.

Подъемъ показался намъ очень труденъ; два года тому назадъ проф. Гилль совершилъ его въ два часа, теперь мы затратили четыре, чтобы достигнуть только половины горы. Обломокъ скалы загородилъ намъ путь, мы пошли обратно, ста метрами влѣво, туча золы насъ преслѣдовала, платье было покрыто толстымъ слоемъ ея, глаза слезились, дышать было очень трудно. Ночь мы провели на пароходѣ, кратеръ былъ попреж-

Къ выздоровленію англійскаго короля.—Король Эдуардъ VII на яхтѣ „Викторія и Альбертъ", 13 (26) іюля.

Франсуа Коппэ. Аббатъ Патюро.

Къ событіямъ во Франціи.—Клерикальная манифестація на улицахъ Парижа, руководимая поэтомъ Коппэ и аббатомъ Патюро.

нему въ облакахъ сажи, но огня и свѣта на немъ не появлялось.

Мы нигдѣ не могли открыть лавы, но зато натолкнулись на другое интересное явленіе. Недалеко отъ берега подымался столбъ дыма изъ воды, онъ, повидимому, скрывалъ вновь народившійся островокъ, метровъ 20 въ діаметрѣ, то былъ маленькій кратеръ, выдававшійся надъ водой на 5 футовъ. Желтоватая поверхность его указывала на пережженную сѣру, песокъ носилъ слѣды какъ бы металлическихъ элементовъ. Отъ него подымался горячій паръ, но безъ всякаго запаха. Почва была горяча.

Годъ землетрясеній.

Американскій метеорологъ, профессоръ Фицъ Гэмптонъ недавно на лекціи, прочитанной имъ въ Ойстеръ-Сити (въ штатѣ Иллинойсъ), высказалъ гипотезу, которую можно было бы назвать фантастической, если бы ее не поддерживалъ серьезный ученый.

Профессоръ Гэмптонъ доказывалъ на основаніи исключительныхъ метеорологическихъ явленій настоящаго года, что наступилъ вѣкъ переворотовъ на земномъ шарѣ. По его мнѣнію, катастрофы на Малыхъ Антильскихъ островахъ, на Кавказѣ и на южно-американскомъ материкѣ служатъ только прелюдіей къ болѣе крупнымъ событіямъ въ природѣ. Всемірный водяной поясъ поднялся, форма дна океана претерпѣла существенныя измѣненія, и въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ катастрофъ.

Благодаря научнымъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ семи различныхъ мѣстахъ Атлантическаго океана, оказалось, что Гольфштремъ обнаружилъ значительное измѣненіе своего направленія къ югу. Съ нынѣшняго года температура моря на всемъ восточномъ берегу Америки понизилась на 2 градуса противъ нормы. Такое пониженіе температуры должно имѣть и для Европы глубокое значеніе; поэтому, надо предвидѣть болѣе холодные лѣтніе мѣсяцы. Если такое охлажденіе и дальнѣйшее отклоненіе Гольфштрема къ югу будетъ продолжаться и впредь, а это весьма вѣроятно, то Англія лишится своего прославленнаго климата, а Франція и страны, лежащія у Средиземнаго моря, будутъ имѣть болѣе теплыя зимы и болѣе холодныя лѣта.

Профессоръ Гэмптонъ сообщилъ въ концѣ своей лекціи, что слѣдуетъ ожидать большихъ землетрясеній въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Съ той поры событія въ Салоникахъ оправдали его пророчество. Недалекое будущее покажетъ намъ, насколько вообще вѣрна смѣлая теорія Гэмптона.

Списокъ землетрясеній нынѣшняго года дѣйствительно очень богатъ исключительными явленіями. До сихъ поръ насчитываютъ слѣдующія землетрясенія, отчасти связанныя съ явными изверженіями вулкановъ; по мѣсяцамъ землетрясенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Январь: 12-го — Ньюшотландъ, 15-го и 16-го — Кроація, 16-го — Мексика, 24-го — Лиссабонъ.

Февраль: 16-го—Шемаха.

Мартъ: 13-го—Чангерія (Турція), 29-го—Лукка (Италія).

Апрѣль: 18-го—Гватемала, 29-го—Исландія.

Май: 3-го — Мартиника, 3-го — С.-Винсентъ, 5-го и 8-го — Мурція (Испанія), 6-го—Бордо, 10-го—Вашингтонъ, 13-го—Кроація, 13-го — Мексика, 18-го — Санъ-Франциско, 20-го—Флорида, 22-го—Крезо (Франція), 28-го—Конъ-Пенинсула, 28-го—Греція.

Іюнь: 3-го — Биллетри (Италія), 3-го — Баку (Россія), 4-го—Чили, 9-го—Чешойръ, 12-го—С.-Винсентъ, 14-го—Сицилія, 18-го—Гималаи.

Іюль: 5-го—Салоники.

Этотъ перечень отнюдь не долженъ считаться полнымъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вестъ-Индіи въ С.-Винсентѣ обнаруживаются тревожныя явленія, которыя предвѣщаютъ наводненіе. Затѣмъ изъ Нью-Іорка телеграфировали въ берлинскія газеты отъ 16-го іюля, что въ Небраскѣ, въ Іовѣ и южной Дакотѣ ощущались сильные подземные толчки. Въ долинѣ Лошнока въ Калифорніи было три толчка, вслѣдствіе которыхъ получились глубокія трещины на поверхности земли.

На днѣ морскомъ.

Въ связи съ предстоящимъ открытіемъ памятника „Русалкѣ", до сихъ поръ покоящейся на днѣ морскомъ, интересно остановиться на вопросѣ о корабляхъ и флотахъ, потонувшихъ съ ихъ драгоцѣннымъ грузомъ и оставшихся въ морской пучинѣ.

Извѣстно, что лучшія бронзы и мраморныя статуи древности были исторгнуты изъ ила, въ коемъ онѣ мирно покоились въ теченіе тысячи и болѣе лѣтъ. На берегу Корнваллиса, напримѣръ, существуетъ между прибрежными жителями преданіе, что въ 1784 году испанское судно, нагруженное золотыми слитками и звонкою монетою, потерпѣло тамъ крушеніе. Золото и деньги предназначались ко взносу въ англійскій банкъ, куда они перевозились по причинѣ возникшихъ въ то время въ Испаніи смутъ. Жители Корнваллиса и по-сейчасъ убѣждены, что эти сокровища погребено между берегомъ и скалами, на которыхъ произошло крушеніе. И, дѣйствительно, время отъ времени, волны выбрасываютъ на берегъ цѣлыя кучи золотыхъ монетъ, какъ это случалось въ послѣдній разъ въ августѣ 1898 года послѣ сильной бури. Уже раньше, съ цѣлью извлеченія сокровищъ образовалась нарочно одна компанія, которая полагала достигнуть желаемаго весьма остроумнымъ способомъ. Вырыли шахту на мѣстѣ предполагаемыхъ сокровищъ и воображали, что, въ первую же бурю, въ эту котловину будетъ принесено громадное количество золота. Но богъ моря позавидовалъ людской прибыли: прежде чѣмъ работа была окончена, онъ наполнилъ хитро задуманный золотой пріискъ иломъ, пескомъ и морскою травою, и акціонеры не получили ни одного доллара. Гораздо удачнѣе было произведено подобное исканіе сокровища въ бухтѣ Тафель. Въ маѣ 1648 году тамъ затонулъ шедшій изъ Восточной Азіи корабль „Гаарлемъ" съ драгоцѣннымъ грузомъ рѣдкостей и древностей, которыя предназначались для продажи въ европейскіе музеи. Почти два съ половиною столѣтія пролежало это великолѣпіе на днѣ морскомъ, и посмотрите! Все, чего не могла съѣсть ржавчина, осталось, несмотря на продолжительное время, въ цѣлости. Смѣлые водолазы вытащили наверхъ множество блестящихъ пагодъ и идоловъ, необычайнаго фарфора и цѣнныхъ стеклянныхъ и серебряныхъ вещей; все было въ цѣлости и неприкосновенности, только серебряныя вещи были обезображены почти до неузнаваемости.

Не меньшимъ успѣхомъ увѣнчалась одна работа водолазовъ въ царствованіе Якова II. На одномъ испанскомъ кораблѣ, который потерпѣлъ крушеніе у южноамериканскихъ береговъ и пролежалъ 44 года на днѣ моря, было найдено 300,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ память этой находки была выбита въ 1687 г. особая медаль. Двѣсти лѣтъ спустя, въ февралѣ 1885 г., затонулъ при Пойнтъ Гаудо на небольшой глубинѣ испанскій пароходъ „Донъ-Альфонсо", шедшій изъ Кадикса въ Гавану. По показанію онъ имѣлъ на своемъ борту на 100,000 фунтовъ стерлинговъ цѣнныхъ вещей. Заинтересованное въ этомъ страховое общество послало 3 мѣсяца спустя къ мѣсту крушенія снаряженную имъ водолазную экспедицію. Счастье благопріятствовало этимъ людямъ, потому что имъ удалось послѣ энергичнаго и удачнаго многомѣсячнаго труда найти затонувшій пароходъ и извлечь большую часть груза.

Другая замѣчательная находка была сдѣлана въ Веймутѣ въ 1806 году. При помощи водолазнаго колокола было поднято съ потонувшаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ корабля „Абергавенни"—62 ящика, которые заключали въ себѣ 350,000 долларовъ. Вообще, около этого времени потонули въ морѣ неисчислимыя богатства. Такъ, между прочимъ, въ 1798 году во время страшной бури при Люнсѣ въ Соединенныхъ Штатахъ пошелъ ко дну британскій фрегатъ „Де-Брукъ". На его борту должно было находиться на много милліоновъ золотой и серебряной монеты, драгоцѣнныхъ камней и другихъ цѣнностей; все это было отнято у испанскаго флота, шедшаго въ Галифаксъ. Самымъ ужаснымъ при этой катастрофѣ было то обстоятельство, что въ пространствѣ между деками находилось 200 закованныхъ въ цѣпи плѣнныхъ и что всѣ эти несчастные беззащитные люди пошли ко дну вмѣстѣ съ кораблемъ.

Однако, самымъ знаменитымъ водолазнымъ дѣломъ считается то, въ которомъ адмиралъ и морской герой Нельсонъ игралъ главную роль. Въ битвѣ при Абукирѣ Нельсонъ взорвалъ на воздухъ французскій военный корабль „L'Orient". Вмѣстѣ съ множествомъ другихъ богатствъ на этомъ кораблѣ находилось на 600,000 фунтовъ стерлинговъ звонкой монеты и вся церковная сокровищница изъ ограбленнаго въ Ла-Валеттѣ собора. Корабль былъ посланъ, чтобы отвезти Бонапарту золото, которое слѣдовало уплатить французской арміи. Начали искать драгоцѣнное содержимое „L'Orient". Послѣ многихъ исканій капитану Понсонби удалось поднять съ палубы затонувшаго корабля офицерскую саблю и другія интересныя реликвіи. Гораздо важнѣе и удивительнѣе была, однако, находка, сдѣланная при томъ же случаѣ въ брюхѣ огромной меча-рыбы. Въ немъ нашли два деревянныхъ ящичка, величиною въ 80 квадр. дюймовъ, упавшихъ съ „L'Orient", которые были полны до краевъ необдѣланными брилліантами. Эта гигантская рыба, все время плававшая возлѣ потонувшаго судна, доставила водолазамъ много страха и заботы, прежде чѣмъ ее удалось поймать. Но зато радость при видѣ такой поразительной находки была велика. Изъ главной мачты „L'Orient" былъ сдѣланъ гробъ, который капитанъ Галловелль отослалъ въ 1798 г. адмиралу Нельсону, написавъ при этомъ слѣдующее: „Сэръ! Я беру на себя смѣлость прислать вамъ въ подарокъ гробъ, сдѣланный изъ главной мачты „L'Orient" для того, чтобы когда вы окончите здѣсь на землѣ вашу воинскую жизнь, вы могли быть похоронены въ одномъ изъ вашихъ военныхъ трофеевъ. Чтобы эта минута была какъ можно болѣе отдаленной, составляетъ искреннѣйшее желаніе вашего, уважающаго васъ друга Бенъ Галловелля". Нельсонъ прожилъ, однако, всего 7 лѣтъ послѣ выраженія ему столь своеобразнаго благоговѣнія: онъ палъ въ битвѣ при Трафальгарѣ, 21 октября 1805 г. Адмиралъ Инглефильдъ разсказывалъ, что Нельсонъ былъ такъ обрадованъ подаркомъ Галловелля, что приказалъ поставить этотъ гробъ у перегородки своего обѣденнаго стола на кораблѣ „Викторія";

тамъ же онъ и покоился, пока смертные останки великаго морского героя не были перевезены, 8 января 1806 г., въ мѣсто послѣдняго упокоенія — въ церковь св. Павла въ Лондонѣ.

Достойны вниманія случаи, когда море добровольно возвратило попавшіеся въ него клады. Вблизи Мельбурна потонулъ пароходъ „Иберія" съ 5,000 фунт. стерл. на бортѣ. Нѣсколько дней спустя, одинъ рабочій нашелъ изъ этой суммы 3,800 фунтовъ подъ мостомъ возлѣ пристани, куда ихъ прибила волна. Еще оригинальнѣе случай, имѣвшій мѣсто въ Богнарѣ. Тамъ недавно произошло столкновеніе двухъ кораблей, изъ которыхъ одинъ немедленно пошелъ ко дну со всѣми людьми. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя море выбросило на берегъ недалеко отъ Вортинга фортепіано, которое стояло въ салонѣ злополучнаго судна и служило развлеченіемъ для пассажировъ. Водяной чортъ унесъ уже въ свои кладовыя несмѣтное количество фортепіанъ, но очевидно это ему совсѣмъ не понравилось. Причины этого онъ не сказалъ, и вопросъ слѣдуетъ считать открытымъ, какъ остается, вообще, открытымъ другой большой вопросъ, не было-ли бы возможнымъ извлечь изъ морской глубины еще многія другія вещи.

При дворѣ занзибарскаго султана.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти занзибарскаго султана, пятаго въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Барггашъ умеръ въ 1888 г., Калифа въ 1889 г., Али въ 1893 г., Гамедъ въ 1896 г. Наслѣдникомъ покойнаго султана является, какъ у насъ уже сообщалось, его сынъ Али, который недавно лишь окончилъ ученье въ Оксфордскомъ университетѣ.

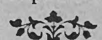
Предшественникъ скончавшагося султана, Гамедъ, былъ дурной человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. При его дворѣ царствовали ложь, обманъ и интриги. Презрѣнные раболѣпные царедворцы, съ которыми онъ предавался безстыднымъ оргіямъ, захватили власть въ свои руки и не допускали къ двору ни одного благопристойнаго человѣка. Какъ всѣ еще помнятъ, послѣ его смерти возникли раздоры изъ-за престола; дворецъ и всѣ прилегающія къ нему зданія были разрушены, и Гамудъ - бенъ - Магомедъ-бенъ-Саидъ (теперь скончавшійся) былъ объявленъ султаномъ. Занзибарскій народъ вздохнулъ свободно, потому что Гамедъ, несмотря на свою безпримѣрную щедрость, до того былъ ненавидимъ, что никто, напримѣръ, не явился на его похороны: онъ былъ погребенъ своими же клевретами безъ всякой пышности. Гамуду предстояла нелегкая задача привести все въ порядокъ; его предшественникъ не только расхитилъ всѣ сокровища страны, но уже началъ спускать дома и имѣнія. Гамудъ сталъ работать рука объ руку со своей покровительницей Англіей, и отношенія ихъ остались неизмѣнно добрыми до конца.

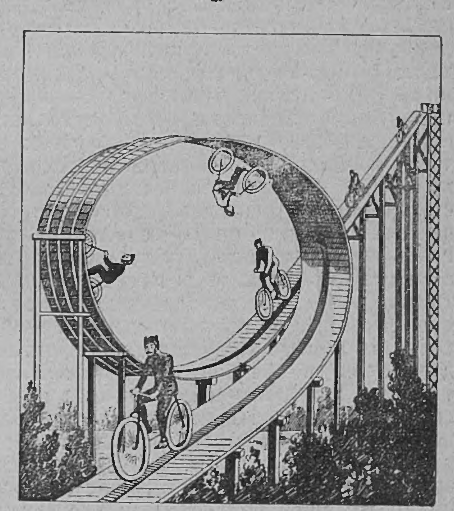
При прежнихъ султанахъ происходило 3 раза въ день собраніе, называемое „бараза", на которое допускался каждый прилично одѣтый туземецъ. При Гамудѣ эти сходки были назначены на 9, 4 и 8 часовъ, но только для виду. Гамудъ устраивалъ „баразу" только разъ въ недѣлю, по пятницамъ въ 9 часовъ утра, хотя, впрочемъ, всякій, имѣвшій къ нему надобность, могъ видѣть его ежедневно около 4 часовъ пополудни. Свою частную жизнь онъ обставилъ со всевозможными удобствами. Прежде всего, старый дворецъ, такъ называемый Бетъ-эль-Аяибъ (домъ міра) былъ обновленъ и отдѣланъ на европейскій ладъ. Гамудъ сидѣлъ со своими гостями во время „бараза" на стульяхъ, между тѣмъ какъ прежде садились по арабскому обычаю на разостланный на полу коверъ, а къ стульямъ прибѣгали только тогда, когда принимали европейцевъ. Исчезли также сандаліи, которыя нѣкогда оставлялись у входа во дворецъ; султанъ подалъ примѣръ, сталъ носить башмаки и теперь всякій уважающій себя занзибарецъ носитъ башмаки во время „баразы".

Въ Бетъ-эль-Аяибѣ, со стороны моря, находится огромный пріемный залъ, который занимаетъ фронтъ всего зданія. Въ правомъ боковомъ крылѣ находятся двѣ обставленныя съ европейской роскошью частныя комнаты султана, куда европейцы допускаются весьма рѣдко. Въ лѣвомъ крылѣ зданія помѣщается секретаріатъ; тамъ сидятъ чиновники султана за письменными принадлежностями на коврѣ. Здѣсь султанъ занимался государственными дѣлами и принималъ людей, которые имѣли къ нему какое-либо дѣло. Во второмъ этажѣ дворца была женская половина и спальня самого султана. Султанъ ѣлъ на европейскій манеръ, сидя за столомъ и употребляя ножи и вилки, причемъ любилъ слушать музыку и пѣніе и смотрѣть танцы; но во время двухъ большихъ магометанскихъ праздниковъ, когда весь свѣтъ приглашался къ столу, онъ ѣлъ, какъ и остальные арабы, пальцами. Куртъ Теппенъ былъ единственный европеецъ, которому удалось принять участіе въ подобномъ празднествѣ. Въ 6 часовъ утра въ мечети, расположенной возлѣ дворца, было богослуженіе, сначала по сунитскому обряду, затѣмъ по обряду секты эбадитовъ, главнымъ имамомъ которыхъ состоялъ самъ султанъ. Къ семи часамъ это богослуженіе окончилось. Какъ только Халидъ - бенъ - Магомедъ, братъ Гамуда, замѣнявшій его на богослуженіи, переступилъ порогъ мечети, какъ загремѣли пушки на корабляхъ и на берегу. Тогда онъ направился къ старому дворцу, сопровождаемый толпой эбадитовъ, къ которымъ принадлежатъ почти всѣ знатные арабы Занзибара; Сеидъ-Гамудъ ожидалъ шествія у дверей и сталъ во главѣ своего двора; подъ большимъ наметомъ былъ накрытъ огромный столъ, уставленный тысячами блюдъ и тарелокъ съ различными кушаньями. За этимъ столомъ, за исключеніемъ семьи властелина, было позволено занять мѣсто только немногимъ избраннымъ. Вокругъ дворца былъ накрытъ столъ прямо на землѣ, по арабскому обычаю, болѣе чѣмъ на тысячу человѣкъ. Какъ только всѣ разсѣлись и умыли себѣ руки, султанъ далъ знакъ начинать и оставался за столомъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что всѣ наѣлись досыта и напились вдоволь поданной въ изобиліи минеральной воды: извѣстно, что спиртные напитки запрещены магометанамъ. Когда всѣ опять совершили омовеніе, поднялся Сеидъ-Гамудъ со стола и отправился вмѣстѣ со своими сотрапезниками въ гостиную, гдѣ былъ поданъ кофе въ маленькихъ арабскихъ чашкахъ. Въ заключеніе слуги разносили кругомъ оригинальные курительные приборы съ драгоцѣнной амброй (килограммъ которой стоитъ около 2,000 рублей) и благовонными маслами; когда поднялся султанъ, наступилъ конецъ празднеству. На слѣдующій день былъ пріемъ европейцевъ. Въ послѣобѣденное время султанъ сдѣлалъ обычную поѣздку по городу и прилегающему предмѣстью вмѣстѣ съ европейскими атташе, нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ и знатными арабами, которые, выстроившись по чинамъ и должностямъ, слѣдовали длинной вереницей за султанской каретой. Народъ веселился 3 дня, которые продолжается каждый праздникъ, на такъ называемой „Мнази-Монойя", открытой площади передъ городомъ.

Около двухъ недѣль въ каждомъ мѣсяцѣ Сеидъ-Гамудъ любилъ проводить въ одномъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, лежащемъ къ югу отъ города Чуквани, въ здоровой мѣстности на берегу моря. Выѣздъ происходилъ всегда вечеромъ послѣ молитвы, между 8 и 9 часами. Сначала выѣзжалъ отрядъ арабской кавалеріи, затѣмъ длинный рядъ экипажей съ родственницами султана и его гаремомъ, затѣмъ часть индійской конной гвардіи, за нею колесница султана, запряженная четверкой великолѣпныхъ большихъ бѣлыхъ австралійскихъ лошадей; въ концѣ ѣхала вторая часть индійской гвардіи. Потомъ выѣзжало множество повозокъ со слугами, поварами и т. п. лицами. Уже наканунѣ уѣзжало множество подводъ и лодокъ съ припасами: надо было кормить въ теченіе 14 дней нѣсколько сотъ человѣкъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ султаномъ.

Въ Чуквани же была недавно отпразднована свадьба теперешняго молодого султана съ одной изъ дочерей умершаго въ 1893 г. Сеида-Али. Сеидъ-Гамудъ много способствовалъ распространенію европейскихъ учрежденій въ Занзибарѣ и заслужилъ большую похвалу тѣмъ, что онъ вопреки всѣмъ арабскимъ традиціямъ разстался на много лѣтъ со своимъ любимымъ сыномъ, чтобы дать ему возможность получить европейское образованіе.

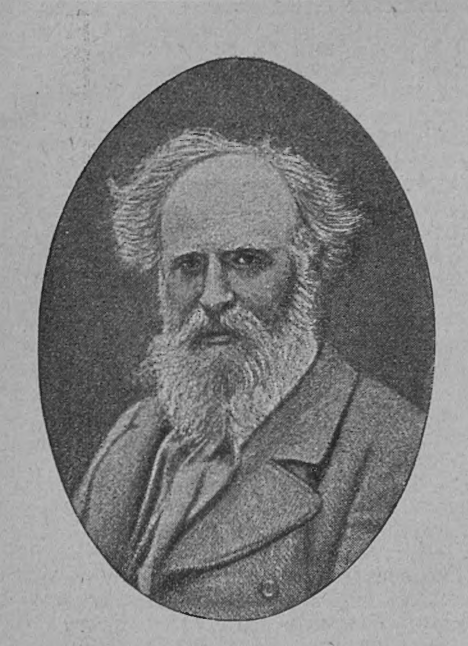
Новый чемпіонатъ.

Робертъ Вандервудъ, привлекавшій недавно каждый вечеръ толпы народа въ Мадиссонъ-скверѣ въ Нью-Іоркѣ въ настоящее время приводитъ въ изумленіе посѣтителей лондонскаго „Акваріума" необычайной смѣлостью своей велосипедной ѣзды. Въ сущности, его „кунстштюкъ" основанъ на законѣ центробѣжной силы. Какъ показано на нашемъ рисункѣ, ѣздокъ скатывается съ высокой, почти вертикальной плоскости, и проѣзжаетъ по внутренней сторонѣ помоста, которому придана форма петли. При этомъ онъ испытываетъ на мгновеніе положеніе мухи, гуляющей по потолку.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ въ частной жизни.

„Абдулъ-Гамидъ въ частной жизни" — таково названіе новой книги, вышедшей на этихъ дняхъ въ Мюнхенѣ изъ-подъ пера Альберта Лангена. Заимствуемъ изъ этой книги нѣкоторыя мелочи изъ частной жизни султана.

„Лѣтомъ въ шесть, а зимой въ четыре часа сервируютъ обѣдъ для султана. Сложный этикетъ составляетъ курьезный контрастъ съ невзыскательностью меню. Обѣдъ возводится въ предметъ государственной важности. Падишахъ умѣренъ, но недовѣрчивъ. Вправо отъ большихъ воротъ, которыя называются „Салтанате Канусу", какъ разъ у самой

Ѳ. И. Ясновскій,
академикъ живописи.
† 10 іюля.

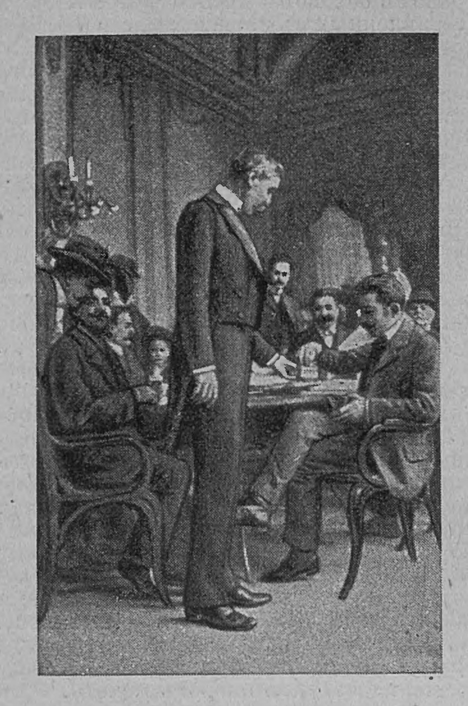

Дрессировщикъ крокодиловъ Пернель.

Французу Пернелю удалось достигнуть въ отношеніи дрессировки животныхъ почти невозможнаго. На глазахъ у публики онъ опускается въ бассейнъ, гдѣ помѣщается 50 дрессированныхъ крокодиловъ и кормитъ ихъ изъ собственныхъ рукъ. Крокодилы настолько привыкли къ своему безстрашному хозяину, что относятся къ нему,—по своему, конечно,—довольно привѣтливо.

стѣны, находится кухня султана. Въ десять утра и въ четыре часа дня каждый день продѣлывается одна и та же сложная церемонія; два человѣка въ стамбулинахъ (турецкихъ придворныхъ кафтанахъ) несутъ небольшой четыреугольный столъ, который покрытъ скатертью; потомъ слуга несетъ большое блюдо, обтянутое черным платкомъ, концы котораго скрѣплены печатью келарджи (генералъ-адъютанта придворнаго вѣдомства). Слуга съ корзиною для хлѣба и еще другой слуга съ бутылкой воды, также въ запечатанныхъ футлярахъ, завершаютъ процессію. Ее встрѣчаетъ келарджи и въ присутствіи падишаха снимаетъ печати. Абдулъ-Гамидъ ѣстъ всегда одинъ и тратитъ на завтракъ и обѣдъ лишь по нѣскольку минутъ. Иныхъ блюдъ онъ только отвѣдаетъ, а иныя отсылаетъ придворнымъ чинамъ. Порою въ немъ просыпается подозрѣніе, и онъ заставляетъ келарджи пробовать то или другое кушанье; иногда же вмѣстѣ съ падишахомъ обѣдаетъ кошка или собака, которыя получаютъ пробные куски. Для поддержанія своего здоровья, которымъ султанъ очень дорожитъ, онъ разрѣшаетъ себѣ изрѣдка рюмку коньяку или глотокъ шампанскаго; вообще же ведетъ самый умѣренный образъ жизни.

„Послѣ обѣда султанъ продолжаетъ чтеніе тайныхъ донесеній. Если онъ въ хорошемъ настроеніи, то призывается одинъ изъ придворныхъ шутовъ. Лучше всѣхъ умѣлъ забавлять падишаха покойный Кіатене-Міами-Али-Эфенди; какихъ только униженій онъ не перенесъ: и вымазыванія физіономіи краской, и насильственнаго нырянія... Но Али переносилъ всѣ эти издѣвательства спокойно, зная, что каждое изъ нихъ связано съ большей или меньшей наградой. Впрочемъ, Абдулъ-Гамидъ имѣетъ и болѣе интеллигентное развлеченіе—театръ. Театральныя представленія, хотя на время, отвлекаютъ его отъ мучительнаго страха. Постоянной труппы въ Ильдизъ-Кіоскѣ нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ турецкихъ артистовъ, которые исполняютъ женскія и мужскія роли въ небольшихъ пьесахъ. Зато ни одинъ европейскій артистъ не проѣзжаетъ Константинополя безъ того, чтобы не выступить въ Ильдизъ-Кіоскѣ передъ султаномъ или, вѣрнѣе сказать, передъ его именемъ, такъ какъ самъ падишахъ, скрытый въ глубинѣ темной ложи, незримъ. Объ этихъ придворныхъ спектакляхъ нельзя найти никакихъ указаній въ турецкихъ газетахъ: правовѣрные не должны знать, что ихъ повелитель веселится“.

Баронъ Эрнстъ Вальбургъ,—старшій кельнеръ въ кофейнѣ въ Будапештѣ.

Баронъ Вальбургъ сынъ покойнаго австрійскаго эрцгерцога Эрнста и его супруги Лауры Скутлицъ. Австрійскія власти оспаривали этотъ фактъ, признавая предъявленные барономъ-кельнеромъ документы подложными, но установить это съ достаточной достовѣрностью не могли. Въ самой Австріи поступленіе въ кельнеры прямого потомка габсбургскаго дома производитъ большую сенсацію.

Состязаніе кашеваровъ въ Красномъ Селѣ, 20 іюля.
(См. № „Бирж. Вѣд.“ отъ 21 іюля 1902 г.).
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппѣръ.